

Социалисты

Старый мир лежал в развалинах. Первые лучи восходящего солнца Разума разгоняли безобразные призраки, уродливые привидения, вампиров и оборотней с кладбища человеческой мысли. С воем и жалобным стоном исчезали они, скрываясь в свои могилы, или разлетались, как туман, оставляя по себе лишь неприятное воспоминание, как от тяжелого ночного кошмара.

Правосудие Логике совершилось: жившее мечом от меча и погибло; лихоимство кончилось банкротством; насилие привело к революции, а истина, задавленная и заглушенная столько веков, сбросила, наконец, с себя цепи и готовилась создать новый мир во имя свободы, равенства и братства.

Практики были посрамлены. Все их «вечное», «абсолютное» и «божественное» оказалось несостоятельным и невозможным. Смешны казались усилия их спасти свои верования и учреждения. Смешна была эта утопия, обращенная к прошедшему, эта надежда на воскресение трупа, это горячее желание удержать рассеивающиеся образы галлюцинации.

Казалось, цель человечества была достигнута: идеал готов был обратиться в действительность, слово — воплотиться, отщепенцы — сделаться практиками. Те самые люди, которые еще недавно назывались утопистами, которые мыслили свой идеал только в воображаемых «Океанах» и «Базилиадах» и в доисторическом, досоциальном «Золотом Веке» человечества, теперь стояли во главе современного им общества, руководили им, устраивали судьбу его, были органами и представителями современной действительности.

Те самые принципы, которые еще недавно стояли вне всех условий общества, вне всякой действительности, вне реальной, практической жизни, теперь одушевляли собрание законодателей, жили в решениях их, стали законами для всего общества.

«Перед лицом мира, перед очами бессмертного законодателя» народное собрание провозгласило основанием современного порядка следующие положения:

«Все люди равны и свободны, и целью каждого общества должно быть обеспечение равенства и свободы».

«Свобода есть принадлежащая человеку власть пользоваться всеми своими способностями. Цель ее — справедливость; границы — права других людей; принцип — природа; обеспечение — закон».

«Право собственности, по природе своей, ограничено и подчинено закону. Собственность основана исключительно на труде (кто не работает — не должен есть!); поэтому каждый, по справедливости, имеет только право на вознаграждение за свой труд; все превышающее

это и достаемое помимо труда есть эксплуатация, противная правам человека. Современное общество состоит из богатых и бедных. Закон должен лишать первых излишка и давать вторым необходимое. Обладающий излишком должен помогать тому, у кого нет необходимого; он перед ним в долгу, и закон обязан определить только способ уплаты этого долга».

Таким образом, это было то самое, что проповедывали отщепенцы всех времен, что заключала в себе проповедь евангелия и христиан первых веков.

Но теперь это говорили не изверги, не отщепенцы общества, не благородные мечтатели, не простые, безвестные, неученые люди. Речь эта не была уже протестом униженных, гонимых против гнетущей их действительности.

Это говорили знаменитейшие, ученейшие, наиболее уважаемые люди своего времени, те, которых общество поставило во главе своей, те, которым оно поручило создать ему новый порядок, люди торжествующие, люди дела.

Какое торжество Отщепенства! Какое блистательное оправдание всех этих погибших героев, распятых, сожженных, обезглавленных, побитых камнями за отрицание насилия и лихоимства, за веру в справедливость, в истину, в человечество, за протест против обществ XII Таблиц и феодального нрава!

Жизнь, сама история решила долгий процесс между ними и их гонителями; приговор произнесен: позор и смерть рабству и грабежу, слава и жизнь свободе и равенству!

Навеки незабвенна останется эта эпоха, когда был произнесен подобный приговор. Это была великая и святая минута, когда целый народ устами своих представителей и нравственных вождей решил тысячелетнюю тяжбу принципов. Эра утопий кончилась. Она вела свое летосчисление с той времени, когда впервые, во всей чистоте и ясности, были выражены принципы свободы и равенства. Справедливо, чтобы момент, когда принципы эти перестали быть утопией и восторжествовали в жизни над старым порядком насилия, послужил началом новой веры.

Это был момент, когда с вышины общества, из уст его руководителей раздалась, наконец, та самая речь, которая доселе звучала лишь в катакомбах римских отщепенцев, в тюрьмах инквизиции и в застенках полиции, где казнили отщепенцев феодализма.

«Свобода невозможна, пока есть несчастные, недовольные общественным порядком; а они будут, пока все не будут собственниками, пока будут эксплуататоры и эксплуатируемые. Не должно быть ни бедных ни богатых».

«Бедный стоит выше правительства и сильных земли; он должен повелевать ими... Надо осуществить этот принцип и обеспечить всем все необходимое».

«Богатство — подлость; нищенство — преступление общества. Все должны трудиться и уважать себя».

Это речь христиан, Вальда, Мюнцера, Мора; но ее говорит теперь не отщепенец, не мятежник, не изгнанник, не осужденный — ее говорит Сен-Жюст [1], законодатель, вождь и оратор народа, проконсул республики, представитель правительства. Он говорит ее не палачам, не в следственной комиссии, не на эшафоте, а на трибуне перед лицом целого общества, которое рукоплещет ему и желает себе порядка, основанного на этих началах.

В истории Отщепенства и всего человечества не было минуты, важнее этой. Только одна может сравниться с нею, — это та чудная минута, когда Христос говорил свою нагорную проповедь.

Тогда это было обращение к принципам равенства и свободы религии. В ветхом обществе Рима и религия, и государство, и экономический порядок с своим освященным, узаконенным и организованным рабством были враждебны этим принципам. Христианство явилось победить язычество и принести человечеству добрую весть его освобождения. Оно начало этот трудный подвиг тем, что дало ему религию, основанную на равенстве и свободе, другими словами, обратило принципы Отщепенства в религию.

Но мы уже видели, каким образом религия была побеждена лицемерием; каким образом старый порядок, утвердившись в политическом и экономическом порядке, устоял против силы христианства и как истинным хранителям евангелия пришлось, по-прежнему, быть вне общества и терпеть всевозможные гонения.

Наконец, после почти двухтысячелетней борьбы, Отщепенство одержало вторую победу: оно покорило себе — кого же! — самого лютого врага своего — государство.

Представители государства, диктаторы, проконсулы и легисты, люди декретов и полиции, Неккеры [2] и Тюрго [3], Робеспьеры [4] и Сен-Жюсты проповедают равенство и свободу! Если бы мертвые могли чувствовать, как радостно при этом вздрогнули бы сердца тех, которых некогда, во имя государственного порядка и во имя законной справедливости, растерзали львы на аренах Рима и сожгли монахи на площадях Мадрида! Как содрогнулись бы в гробах своих все эти теоретики и практики насилия, судьи, короли, юристы и политики!

Их потомки, их достойные сыны, кость от костей и плоть от плоти их, изменили рабству и насилию, которым они так честно послужили, и предлагают все оружие политики к услугам безумцев, которых они казнили! Они говорят им: «Вы правы; в вас живет истина; ваши враги — наши враги, а с врагами своими, как известно вашим предшественникам, мы умеем справляться. Отныне мы отрекаемся от того дела, которому служили до сих пор, и представляем в ваше распоряжение весь арсенал наших законов, войск, тюрем, эшафотов, полиции и судов. Вы хотите равенства — вот вам декрет; вы проповедуете свободу — наша полиция к вашим услугам; вы ненавидите насилие — вооружайтесь нашим уголовным правом; вы желаете истребить лихоимца — вот указ и гильотина!»

Таков смысл обещания, данного политическими революционерами жертвам эксплуатации, всем злосчастным классам голодных и неимущих — даровать переворот экономический путем переворота политического.

Новообращенные всегда усердствуют и тем более, чем сильнее прежде гнали то, чему начали служить. Государство и политика стали Савлом нового христианства. Они готовы были на все, чтобы услужить ему. Законы максимума, миллиард налога с богатых, содержание бедных на свой счет, гильотина откупщикам, полицейский надзор за дворянами — всем готовы они были служить своему новому союзнику. Церковь некогда была ими самими развращена и унижена до служения насилию и лихоимству, — и на это указом правительства католицизм навсегда отменен, служители его в тюрьмах и на эшафоте, шпион, вчера доносивший духовенству, нынче доносит на него...

Но здесь-то именно и более чем когда-либо обнаружилась вся непрактичность отщепенцев. Вместо того, чтобы радоваться содействию такого могущественного союзника и подать ему руку, и принять его услуги, отщепенцы более прежнего разошлись с обществом и с его мнением.

Правда, впрочем, и то, что практика этого общества могла также более прежнего оттолкнуть от себя умных и честных людей и что мудрость практических политиков потерпела еще невиданное посрамление.

Люди, в лице которых государство заразилось принципами Отщепенства, сами вышли из рядов утопистов. Можно было бы, кажется, ожидать, что, перестав быть отщепенцами, примирившись с обществом и предприняв среди его практическую деятельность, они в своей политике и посредством ее осуществят в обществе те идеалы, во имя которых отрицали практику старого порядка. Напрасная, вздорная надежда! Они только еще раз и самым блистательным образом доказали, что учреждения старого порядка не могут служить даже орудиями для водворения нового, — и что общественные формы, выработанные вековой практикой насилия и лихоимства, каковы все политические учреждения, несовместны с началами свободы и равенства; другими словами, что политические перевороты, или, вернее, перемещения, никуда негодны, как средство к перевороту социальному, т. е. к утверждению равенства наряду со свободой.

Потомство оценило личные достоинства вождей революции. Едва затихли возбужденные против них страсти, как клеветы рассеялись и замолкли, обвинения были посрамлены, и история воздала должную дань уважения их мужеству, их гражданской доблести, их чести и бескорыстию. Но на деятельности их все-таки остался неизгладимый упрек неопределенности, бессознательности, двойственности и неоконченности. Отщепенство никогда не признает их своими героями. Сильные своими принципами, они речами своими взволновали весь мир, окончательно потрясли старый порядок и открыли последний акт тысячелетней борьбы между насилием и справедливостью. Но, в то же время, они были политиками, людьми государства, практическими мудрецами, и в этом отношении они душой и телом принадлежат старому порядку. В этом отношении они были бессильны и нелепы, как он, как он, посрамлены и осуждены на бесплодность, и не создали ничего, кроме новых форм грабежа и насилия. Отщепенцы были правы, когда в лице Фурье и Прудона отвернулись от этих новых практиков и отвергли всякий союз с политической мудростью, предоставив пользоваться ею грабителям и лихоимцам в новой шкуре.

Несмотря сначала на проповедь религии, потом на отпадение государства, старый мир эксплуатации и насилия остался по-прежнему, только переменив некоторые внешние формы. Законы XII Таблиц, наивное право собственности рыцарей, узаконенный грабеж легистов расцвели в обществе, вышедшем из революции, с прежнею силой в том порядке, который заменил все прежние формы монархии, аристократии и теории под именем Плутократии, т. е. владычества капитала.

Теория плутократии отличается такою же откровенною грубостью, таким же циническим признанием насилия и лихоимства незыблемыми основами общества, как и римское уложение, как и теория феодальной собственности. Послушаем ее теоретиков: мы найдем в них достойных подражателей всех проповедников грабежа древних и средних веков.

«В каждом государстве, — говорит Монтескье [5], — всегда есть люди, отличенные богатством, рождением или почестями. Если бы они были смешаны с народом, если бы голос их не имел силы — общая свобода была бы их рабством. Им было бы невыгодно защищать ее, потому что все решения народа были бы большею частью направлены против них. Следовательно, размеры участия их в законодательстве должны соответствовать размерам других преимуществ их: они должны составлять особое сословие, которое имело бы право останавливать предприятия народа».

По поводу этого вопиющего возведения факта лихоимства, неравенства и насилия в учение и в идеал один писатель говорит:

«Только в глубокой древности можно найти примеры законодательств, основывающих право на привилегии. Такой пример представляют касты. Индия спрашивала себя, отчего существуют на свете брамины, ктатрии, вайзии, судры и презренные парии, и на вопрос этот отвечала тем, что обратила необъяснимый факт в религиозный догмат. С тех пор прошло 50 веков, и ни один законодатель не обращал в идеал факт и привилегию».

«В Индии буддизм, за десять веков до христианства, восстает против факта во имя права, отрицает касты и уничтожает их. За пять веков до Будды, Моисей выводит из Египта, страны каст, евреев, этих египетских париев и, во имя Бога, дает им законодательство, где человеческое равенство сияет, как лучезарное солнце, от которого все исходит. В Греции Минос [6] делает то же. Ликург [7] воскрешает реформу Миноса, и по следам его идет Солон [8]. Равенство, священное начало дорийских обществ, проникает к дикарям Лациума [9] вместе с религиозным культом Нумы [10]. Все древние народы знали добродетель, знали право, единственное основание которых есть понятие равенства. Наконец пришел Христос и поставил бессмертным идеалом общее братство человеческого рода и распространил божественное начало равенства на все племена и народы».

«Возможно ли теперь законодательство, совершенно чуждое идеалу, который человечество столько веков разрабатывает, которым оно живет?»

«Да, такое законодательство существует. Из грабежей средних веков вышло такое законодательство, отвергающее идеал и признающее только факт».

«Английская конституция не признает права; для нее право — факт».

«Английская конституция не признает равенства; напротив, — она освещает неравенство».

«Английская конституция не признает добродетели; она признает лишь привилегии» (П. Леру) [11].

И вот английская конституция, высшее выражение плутократии, сделалась образцом и целью грабителей, плутов и лихоимцев всех стран света!

И вот это чудовище явилось, после разрушения феодального общества, овладеть его наследством и на развалинах его утвердить свое гнусное могущество!

Плутократия нелепее и возмутительнее аристократии. Феодальный грабитель мог, указывая на свою добычу, сказать по крайней мере: «я приобрел это своим кулаком, ценою тяжелой борьбы, с опасностью жизни, рядом ночей, проведенных в засаде, рядом дней, проведенных в боях».

Но что скажет о своей добыче барон капитала, плутократ? Может ли он чем-нибудь объяснить, не говоря уже, оправдать свое владение? Может ли он, по примеру аристократов, сказать: мои предки добыли это своею кровью; вот почему я владею этим, и если не все земли принадлежат нам, аристократам, то это потому, что у нас несправедливо оттягали их. Но плутократ, нажившийся без трудов и опасности, что ответит он, если у него спросят, откуда у него богатства, владения, привилегии, власть? Вышел ли он из благородных уст Браммы или помазан на владычество священным елеем? Добыл ли он себе эти *spolia opima* {34} в открытом бою, лицом к лицу с врагом, или первый водрузил свое знамя на необитаемых землях, открытием которых распространил владения человечества?

Нет! Плутократ — скептик, атеист, волтериянец: он не верит ни в Брамму, ни в елей. Нет, нравы его мирны, он враг войн и сражений; он называет завоевание разбоем, а что касается до открытий, то Колумбы не родня ему, и он открывает только свои конторы и лавки в странах, открытых другими.

Кроме обмана, эксплуатации, плутовства и лихоимства, ему не на что указать, как на источник богатства и власти, и потому он предпочитает умалчивать вовсе об источнике и просто говорить: «Я хочу грабить».

Плутократия — царство бездельников, плутов, разбогатевших бесчестными средствами и в обществе столь же диком и анархическом, как то, которое в VI и VII веках вышло из лесов Германии, но где плутня заменила насилие, а мошенничество — открытый разбой на большой дороге. Как всякое анархическое общество, где учреждения взаимности и гарантисма не обуздывают первобытные варварские явления борьбы за существование, современное общество представляет собою вечную вражду угнетенных и угнетателей. Угнетатели — это рыцари меркантилизма, феодалы торгашества, сеньоры капитала, бездельники и плуты. Угнетенные — те же рабы, крепостные под именем пролетариев. Пролетарии, по словам одного писателя плутократии, это все те, «кто живет тяжелым поденным трудом своих рук. Вчерашний заработок — вот все, что они имеют сегодня. Люди, не имеющие поземельной собственности, которые никогда не будут иметь ее, которым не смеют даже обещать ее; люди бедные, темные, лишенные наследства, переходящего от

отца к сыну; люди, вся потомственная традиция которых состоит в необходимости зарабатывать себе каждый день насущный хлеб; люди эти — пролетарии, а состояние их — пролетариат. Сюда принадлежат: 1) работники, 2) нищие, 3) воры и 4) публичные женщины. — Работник-пролетарий зарабатывает себе, и то не всегда, кусок хлеба насущного. — Нищий-пролетарий не может или не желает работать и выпрашивает себе кусок хлеба насущного. — Вор-пролетарий не желает или не может работать и не просит милостыни, а ворует кусок хлеба насущного. — Публичная женщина-пролетарий не может или не желает ни работать, ни просить милостыни, ни воровать, а добывает кусок хлеба проституцией».

Так рассуждают писатели плутократии, и, конечно, они правы. Да, вот они, эти работники — пролетарии, рабы, крепостные люди, вся судьба которых представляет ряд невозможных, по-видимому, противоречий. Они работают и ничего не имеют, ничего не имеют и, в то же время, служат жертвой постоянного, каждодневного и каждочасного грабежа. Они содержат общество и находятся в глубоком презрении. На них паразитами живут наука, искусство, роскошь, все чудеса цивилизации, а сами они, ее кормильцы, погружены в безвыходное варварство и в мрачную грязную нищету. Рабочий кормит общество, кормит правителей, ученых, литераторов, художников, судей, духовенство, войско и палача. Публичная женщина принимает на себя все грехи этого общества, спасает честь его жен и дочерей, спасает их добродетель, дает существование семье, потому что без нее семья была бы невозможна: дикие страсти анархического общества давно уничтожили бы ее в общей оргии разврата. Без нее ничто не оградило бы чести женщины. Публичный дом — такое же необходимое учреждение в анархическом быте цивилизации, как суд, как тюрьма, как богадельни и приюты.

А нищий и вор? Нищий — идеал христианства, идеал святой жизни по св. Франциску. Вор — человек, который видит, что все просвещенные, мудрые, высокие люди живут не трудясь, на счет бедных, на счет собратов его, и который хочет следовать их примеру, на свой страх и риск, жить по образцу их хотя и не тем безопасным, легальным воровством, которому они обязаны своим существованием, а воровством запрещенным, незаконным.

Да, мораль высоких бездельников, мораль плутократии, эта насмешка над моралью, клеймит нищего и вора, преследует их своим презрением и судом. Но мораль эта — не мораль пролетариев. Бездельники сами поставили себя в такое положение, что у них ничего не может быть общего с пролетариями, — даже нравственности. Иное дело нравственность сытого, обеспеченного бездельника, иное дело мораль голодного пролетария. Пусть первая будет возвышеннее, просвещеннее, утонченнее, она не то, что вторая. В глазах плутократов воровство и нищенство пролетариев бесчестны и презренны. Но в глазах пролетария — нищенство, единственное для него средство выйти из глупого положения работника на чужие желудки, из положения белки в колесе. Воровство же для него — единственно возможная для него форма личного, единичного протеста против эксплуатации. Весь смысл современной истории — в этой борьбе плутократии с пролетарием, как прежде в борьбе других угнетенных против других угнетателей. Каждый пролетарий, по самому положению своему, — отщепенец современного общества, сознательный или бессознательный. Сами плутократы сознают это, когда говорят, что пролетарий тот, кому нет места на пире жизни, т. е. другими словами, тот, кто стоит вне общества, за флагом, за порогом того дома

разврата, где пирует высшее общество. У пролетария нет ничего общего с классом плутократии, не только в социальных условиях его быта, но и в понятиях, интересах, взглядах, желаниях, верованиях и надеждах. Общество, т. е. сословие жуирующее, насаждающее искусства и науки, разглагольствующее о нравственности и истине, совершенно чуждо пролетарию, у которого своя особая вера, особая нравственность, особая истина и особые упования. Как древний христианин смотрел с ужасом на каждого, кто не разделял его веры, не разбирая честного от подлеца, виновного от невинного, мудрого от глупого, и смешивал в своей святой нетерпимости Платона и Плиния с последним палачом, с последним лживым авгуром [12], так и пролетарий считает равно виновными, равно бесчестными и вредными всех, кто питается чужим трудом, кто живет не работая, кто мудрствует, просвещается, наслаждается и прославляется на счет его, вечно голодного, вечно ограбленного пролетария, будь он первый ученый, первый поэт своего времени. Так точно смотрит на женщин плутократии публичная женщина, равно презирая с высоты величия своего доблестного, смелого разврата всех этих непорочных девственниц и целомудренных жен.

Да, каждый пролетарий — истинный отщепенец плутократии, т. е. современного общества. Всякий необходимо должен быть отщепенцем, по логике своего положения, но много уже есть и таких, которые сознательно отщепенцы. Так, напр., когда, по примеру Монтеские, все европейские общества благоговеют перед высшей формой плутократии — английской конституцией со всеми выработанными ею явлениями в роде науки, как политическая экономия, философия — как позитивизм и т. д., в самой Англии пролетарии, простые работники, старики и отцы семейств, осужденные на казнь за покушение ниспровергнуть эту пресловутую, блаженную, великую конституцию, говорили в глаза своим судьям такого рода profession de foi{35} Пролетариата: «Милорды! Меня спрашивали, что могу я сказать, чтобы отвратить от себя выполнение произнесенного надо мною смертного приговора. Считаю этот вопрос насмешкой. Если бы я мог привести самые неопровержимые доводы и говорить с Цицероновским красноречием, то мстительность лорда-канцлера Сидмута и лорда Кестльри может утолить только поток крови, текущий теперь в моем сердце. Это сердце трепещет энтузиазмом при идеях чести и патриотизма, неизвестных тем привилегированным изменникам нашего отечества, которые с наглым бесстыдством поработают его себе и владычествуют над жизнью и имуществом державного народа. Я объясню вам мой образ действия, но заранее предупреждаю, что не имею ни малейшей надежды на ваше правосудие и честность. У вас правосудие утонуло в честолюбии и в раболепии, служащем честолюбию. Что касается до вашей честности, милорды, — я презираю ее. Не вздумайте предложить мне ваше милосердие; я желал бы только правосудия, если бы мог предполагать его в вас».

«Прежде всего я протестую против процесса в том виде, как вы вели его против меня. Судьи, которых обыкновенно считают у нас защитниками обвиненных, в процессах между народом и короной всегда бывают адвокатами второй, непримиримыми врагами первую».

«Еще несколько часов — и меня не будет. Но ночной ветер, веющий над могилой, где буду я покоиться, пахнет в окна ваших дворцов, застучит ставней вашей спальни, и дыбом встанут у вас волосы и беспокойно будете метаться вы на ваших пуховиках при страшном воспоминании о том, кто жил для родины и умер за нее, когда свобода и правосудие были

изгнаны из ее пределов шайкой злодеев, кровожадность которых превосходит лишь алчность их».

«Мне не жалко жизни. Но пока она еще во мне, я скажу несколько слов против клевет, которыми, я уверен, вы будете преследовать мою память. Я скажу, что побудило меня составить заговор против королевских министров и сравню мои побуждения с теми, которые руководят этими министрами в намерении погубить меня».

«Многие, кому известен подлый грабеж, которому я подвергся от лорд-канцлера Сишута, подумают, пожалуй, что я руководствовался личной ненавистью. Протестую против этой мысли. Цель моя была — благо родины. Все честолюбие мое ограничилось желанием счастья моим голодным соотечественникам. Да, я сочувствовал их нищете. Но когда над ней насмеялись, когда болезненное чувство их было безжалостно попорно грубым насилием, — тогда я не мог сдержаться. Мстить решился я тогда, и из вопля убийц сделать Requiem {36} за души зарезанных невинных жертв! Государственная измена была совершена против несчастного манчестерского народа. Правосудие не вняло мольбам безжалостно искалеченных, убиваемых. Принц-регент, по совету своих министров, благодарил убийц, еще дымившихся кровью жертв. Если бы в груди англичан тлела хоть искра чести, независимости, они восстали бы, как один человек. Восстание стало бы обязанностью гражданина, и кровь жертв сделалась бы зунгом мести убийцам».

(Верховный судья лорд Аббот прерывает оратора, но он продолжает:)

«Альбион [13] лежит в узах рабства; я покидаю его без сожаления; придет день, когда могиле моей будут молиться и поклоняться станут праху моему; но тело мое перейдет в землю, из которой вышло. Я скорблю только о том, что земля эта еще долго будет ареной рабов, мошенников и деспотов. Потомство оценит мои побуждения. Убивайте же меня, милорды, ибо, повторяю, правосудия я от вас не жду, а помилования не возьму» {37}.

И сказал за ним Джемс Айнгс:

«Слуги Е. В. составили заговор против нас прежде, чем мы против них; они предписали нам законы, обрекавшие меня, мою семью и моих соотечественников на голодную смерть, и если я хотел зарезать этих министров, то, милорды, это все-таки лучше, чем принуждать людей умирать с голода. Манчестерская милиция кинулась на нас и била наших жен и детей. Она обнажала свои мечи, мы обнажали свои. Я умру, сомнения нет; но надеюсь, что дети мои будут жить и увидят, наконец, правосудие в окровавленном своем отечестве».

Так говорили эти отщепенцы перед медными лбами и каменными сердцами тиранов плутократии. И их казнили, и не дрогнула земля, и народ не восстал, как один человек, и не разнесли вдребезги эту чудовищную систему тирании, и не заклеили клеймом богоубийц этих бездушных злодеев, убивших правозвестников божественной истины и с спокойной, холодной самоуверенностью говоривших:

Кровь их на нас и на детях наших!

Что же это! Неужели же человечество вышло из варварского грабежа только для того, чтобы очутиться в грабеже цивилизованном? Неужели только для того перестали резать его, чтоб начать душить? Неужели не будет конца царствию лихоимства и насилия? Неужели не явится ни мститель, ни спаситель?!

Этому измученному, разочарованному, готовому впасть в отчаяние человечеству нужен человек или бог, который вдохнул бы в его разбитую грудь живительный дух новой веры; который указал бы ему новый светлый идеал, лучезарный маяк, куда с новою энергиею обратились бы стремления народов; который дал бы ему силу веры и надежды в борьбе с этим безысходным несчастьем, в тяжелых мытарствах его в заколдованном круге лихоимства и насилия!

Этому оскорбленному, опозоренному человечеству нужен человек или демон, который поразил бы священным огнем гениального гнева тысячелетнее зло; который поставил бы к позорному столбу гнусную плутократию и каленым железом отметил бы ей на лбу память ее преступлений; который низверг бы в грязь развратницу и призвал бы людей водрузить на трупе ее знамя равенства и свободы!

Но где эти люди? Где верующие в искупление народа от грабежа и насилия плутократии, этой фурии цивилизации?

Эти люди, эти верующие — социалисты, которые вели и будут вести борьбу за освобождение самого многочисленного и бедного класса рабочих. Эти бойцы — апостолы XIX века. Несмотря на видимое разнообразие школ, на которые распадался Социализм, тем не менее значение и направление их одно и то же. Все социалисты проповедают свободу, равенство и братство, все восстают против плутократического порядка, все отрицают его единодушно и, во имя народа, во имя его права и достоинства, все желают и требуют прекращения грабежа и насилия.

«Социализм, — восклицал Прудон, — не спускает глаз с капитала!» Другими словами, Социализм защищает права рабочего народа и предупреждает лихоимцев, тунеядцев и всех вообще вампиров-плутократов, сосущих его кровь, чтобы они были осторожнее.

Социалистов не запугает нечистая сила богатства! Они веруют в правду своего дела и потому не боятся угроз шайки негодяев, у которых «на лицах наглость, в сердце страх».

«Вспомните, — говорил Иоанн Златоуст людям IV века, — вспомните, сколько христиан приняло венец мученичества! Их убивали, пытали, бросали скованных в темницы, как последних преступников, изгоняли из отечества, преследовали, как диких зверей, и лишали их всего, что дорого человеку. Мечи обнажались, кровь лилась, власти бесновались и придумывали для христиан самые страшные казни и мучения. И что же? Не взирая на все это, верующие во Христа были непоколебимы и тверды, как скалы. Они желали лучше подвергаться всяким истязаниям и мукам, чем жить по примеру подлецов и преступников. Так вели себя не только мужчины, но и женщины. В этой борьбе за правду женщины часто даже превосходили мужчин своим геройством. И все они, эти славные мученики, обессмертили свои имена. Но кроме их, мучениками следует назвать и всех тех, которые

страдают от людской злобы».

Как христиане были отщепенцами римского мира, так точно являются и социалисты отщепенцами старой европейской цивилизации. Как те, так и другие — люди верующие, ведущие борьбу с лицемерием и подлостью.

Пятнадцать веков после Иоанна Златоуста Прудон писал из тюрьмы:

«Пусть власти составляют заговоры против народов;

Пусть антихрист-папа проклинает свободу;

Пусть республиканцы падают под ударами штыков и умирают под стенами городов;

Но равенство, свобода и братство остаются все-таки идеалами общественного устройства!

Да, социалисты, мы побеждены, унижены, обезоружены, скованы и заключены.

Но, социалисты, разве мы перестали быть людьми будущего? Разве мы потеряли веру в себя и в свое дело?

А вы, малодушные и кровожадные плутократы, вы лицемеры и подлецы семейства и собственности! Спокойно вам теперь живется? Весело празднуете вы свою победу? Я слежу за вами, люблюсь вами, и что ни слово, что ни жест ваш — я говорю: вы пропали!»

Плутократия — вонючий труп старого общества, труп, над которым социалисты производили самые поучительные опыты, наблюдения и научные исследования.

В этом отношении социальной науке полезнее всех были примерные отщепенцы — Фурье и Прудон.

Версия #4

Зверобой создал 3 июня 2026 01:35:09

Зверобой обновил 3 июня 2026 04:11:38